

Наталья МЕЛЕХИНА

г. Вологда

рассказ

Дашка твёрдо решила побывать в гостях у Мазеги. Ещё совсем недавно она даже не подозревала, что под землёй Паутинки скрывается целое Колодезное царство.

Дашке почти исполнилось шесть лет, и она знала поимённо всех своих соседей по деревне. В каждой из двенадцати изб жила-была бабушка, а у трёх бабушек даже были и дедушки. Ещё в деревне водились овцы, свинки, корова Звёздка (её держали Дашкины родители), собаки Умка, Пальма, Каштанка и Травка и много кошек — Мусек, Мурок, Васек и Барсиков.

В домах обитали домовые. Их Дашка представляла как Кузю и Мафанию из известного мультфильма. В полях за Паутинкой поселились полевые. В Дашкином воображении это были существа, похожие на мышек-полёвок, причём они носили кафтанчики, сплетённые из сухой травы. Лесами вокруг Паутинки правил грозный Хозяин Леса. Его истинного обличья никто не знал. Но Дашка не раз слышала его голос: Хозяин Леса шумел и стонал при сильном ветре, что-то шуршал и нащёптывал при слабом, а зимой в ясные и солнечные дни предпочитал отмалчиваться.

Старший брат, семнадцатилетний Игнаха, объяснял часто болеющей Дашке, что в сильный мороз Хозяин Леса бережёт горло, чтобы не простудиться, поэтому не разговаривает, и непременно советовал сестрёнке поступать по примеру старших.

— Так давай, Игнаха, ему мёду сне-сём? И варенья малинового, чтоб не болел, — заботилась сердобольная Дашка.

— Ты что! — махал руками Игнат. — Нам ли ему подарки носить! У него одних пчелиных роёв знаешь сколько! Помнишь, мы с отцом мёд приносили в сотах из дупла? Это всё из кладовых Хозяина Леса.

Но всё же тайком от взрослых Дашка как-то летом отнесла упаковку аспирина, украденную из аптечки, в ближайший перелесок, начинающийся сразу за огородом. Она положила таблетки под ло-

пух. «Ты, Хозяин Леса, их на зиму спрячь!» — посоветовала она. Вокруг качались деревья, и Дашке казалась, что это Хозяин Леса трясёт волосами-ветвями, согласно кивая.

Дашкин отец — дядя Гриша — в тот же день зашёл в перелесок за боровиками и аспирин под лопухом случайно обнаружил. Он осторожно поинтересовался у своей дочери, откуда он там. «Ума не приложу! — важно развела руками Дашка. — Но ты, папа, таблеточки не забирай. Это Хозяину Леса». Дядя Гриша только расхохотался, вспомнив Игнаткины наставления сестре.

В Паутинке водился даже свой собственный Минотавр. Благодаря чудесам телевидения он переехал в вологодскую деревушку напрямик из античной Греции. Как-то вечером Дашка со своей родной бабушкой Маней пошла в гости к двоюродной бабушке Мане на посиделки. Там собрались все старушки деревни. Разговор за рукоделием, кружевами да вязанием у них затянулся, и любимую передачу «Спокойной ночи, малыши!» Дашке пришлось посмотреть в гостях. После недолгой беседы Хрюши, Степашки и дяди Володи показывали мультфильм про то, как Тесей и его спутники, юноши и девушки, попали в лабиринт царя Миноса. Прекрасные и печальные пленники, беззащитные перед чудовищем, блуждали в каменных коридорах. Дашка тут же представила себя Тесеем, который обязательно всех спасёт.

После посиделок Дашка с родной бабушкой Маней возвращались домой по неосвещённой задремавшей деревне. Была поздняя осень. Рано темнело. Старая и малая брели медленно. Дашка-Тесей всё ещё вела за собой спасённых юношей и девушек через непроглядную тьму подземелья, и вдруг раздался громкий, похожий на бычий рёв и кто-то ка-ак выпрыгнул из темноты!

Оказалось, что это двоюродный Дашкин брат Димка пришёл в гости к бабуле с ночёвкой. Не застав её дома, отправился на посиделки и, заметив возвращавшихся бабушку и сестру, решил созоровать. Спрятался за любимой Дмитриевой берёзой. Её так называли, потому что когда-то это дерево посадил Дашкин и Димкин прадед — тоже Дмитрий. Тихо сидел за именным деревом, а потом как выпрыгнул со свирепым боевым кличем к бабуш-

ке и сестре! Но они не оценили. Бабушка сильно ругалась. Причём особенно рассердилась на внука из-за того, что Дашка не заплакала.

«Ты зайкой её мог сделать! И меня вместе с ней! Посмотри, ребёнок окаменел весь!» — выговаривала бабуля. А четырнадцатилетний, по деревенским меркам уже совсем взрослый, Димка извинялся и сам по-детски чуть не плакал. «Ну не ругайся, бабуль... Да у нас сеструха такая, ее вообще фиг чем испугаешь! Да она и не плачет у нас никогда. Орёт только, когда чего ей надо», — оправдывался он и обнимал Дашку за плечи.

Дашка же с тех пор верила, что за Дмитриевой берёзой прятался никакой не брат, а настоящий Минотавр. Чудовище точно живёт в их деревне, выходит бродить по ночам и может всех обидеть: и маму, и папу, и бабушку, и братьев, и остальных. Как именно обидеть — было непонятно. Возможно, закружить, увести от дома и там напасть в темноте и тишине, растоптать, забодать и съесть. «Я вырасту и убью его», — решила Дашка-Тесей. Но пока приходилось терпеть его присутствие. На всякий случай она попросила Димку и Игнаху сделать ей лук и стрелы и ещё короткий меч, как у Тесея. Братья без лишних уговоров изготовили для неё оружие. Им было не впервой. Они постоянно мастерили для сестрёнки какие-нибудь игрушки: тачанки, бульдозеры, а однажды сделали деревянный трактор такого размера, что пятилетняя Дашка могла свободно сидеть в нем за рулём. К «бамперу» крепились верёвка. Братья впрягались в неё и таскали трактор по деревенской улице. Дашка рулила: передние колёса, позаимствованные от детского велосипеда, соединённые с «баранкой», поворачивали и вправо, и влево, и братья особенно гордились, что им удалось установить «передний привод».

Получив оружие, Дашка регулярно тренировалась, тайком оттачивая навыки стрельбы на бабушкиных курицах и овцах, а искусство фехтования — на старом репейнике.

Кроме Минотавра, в речке и на Дамбе жили водяные и русалки, но их Дашка убивать не собиралась, потому что никакой опасности для тех, кто умеет плавать, они не представляли, а плавала Дашка, воспитанная братьями, как рыбка. В крайнем случае можно было пнуть водяного в живот. Живот у него, как известно, из

мыльного пузыря, а от пинка смешно лопаются с брызгами и бульком. Игнаха хвастался, что он так много-много водяных лопнул как-то раз с папой на рыбалке. А русалки в основном селились не в речке Паутинке, а за Комёлой, в пионерском лагере «Орлёнок». Игнаха часто их ловил, но домой пока ни одну не принёс. Папа Гриша так сказал. Дашка сама слышала.

Как-то летом Игнат вернулся домой под утро, Дашка уже не спала, но и не вставала и сквозь дрему слышала, как отец спрашивает: «Где был?» Игнат: «Так на рыбалке, пап». А папа Гриша ему и говорит: «Знаю я твою рыбалку. Русалок в «Орлёнке» ловил. А на сенокосе сегодня опять целый день носом клевать будешь?»

В ответ Игнаха пропел частушку:

*— Меня батя мой не любит,
Сапоги мне не купил.
Сапоги мне не купил,
Чтоб русалок не ловил!*

И оба они — и отец, и брат — рассмеялись по-хожим однозвучным смехом.

Дашка потом просила Игната поймать ей маленькую русалочку. «Она у меня будет в банке трёхлитровой жить. Ты не бойся! Я сама буду ухаживать», — обещала Дашка брату. Но тот сказал, что русалки хитрые и никак не ловятся. «Врёт!» — поняла Дашка. Чтоб у Игнахи да не ловились! Все в семье знают, что он родился в рубашке, и даже когда все остальные мужики приходили из лесу или с реки с пустыми руками, Игнат приносил дичь и рыбу. Дашка показательно надулась, но в тот же вечер Игнаха принёс ей взамен русалочки махонького живого карасика, и этот карасик по кличке Федя целый год потом жил у Дашки в банке, подрос, отъелся, но потом Дашка всё же выпустила Федю на волю обратно в пруд.

Был в Паутинке и Бог. Всё время был, даже когда Паутинки не было и весь мир, по словам бабушки, покрывали изначальные воды. Дашка представляла их как непомерно разлившуюся по весне Дамбу. Потом-то воды схлынули, потому что Бог разделил сушу и твердь, и именно тогда, наверное, и образовались Дамба и Комёла, а посередине между ними сразу же «выросла» деревня Паутинка.

Бог обитал везде и во всём, и Дашка это точно

знала: Он трепетал в листиках, тёк ручьями, благоухал цветами, жил в иконах, в небе, на луне и звёздах, на земле и даже в самой Дашке, хотя не понятно, как Он, такой огромный, помещался в ней, такой маленькой. Дашка спрашивала об этом у мамы и бабушки, но они неизменно отвечали, что этого людям знать не дано, потому что они все грешные, особенно которые взрослые.

Посещал Паутинку и Спаситель. Об этом даже стихи сочинили, и бабушка их Дашке не раз читала:

*Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.*

Дашка представляла, как Господь, не касаясь ногами земли, летом — не приминая стопами трав, зимой — по снежному морю, аки по суху, обходит окрестные поля и леса, благословляет Паутинку и всех в ней живущих. О том, как жил Христос, бабушка каждый вечер рассказывала Дашке перед сном, но только не про распятие, потому что на этой сцене Дашка неизменно горько и долго о Нём плакала. Рассказ про восхождение на Крест полагалось торжественно озвучить только один раз в год — на Страстной неделе, и то Дашка долго крепилась и крестилась, прежде чем его выслушать. Каждый год бабушка спрашивала: «Так, может, не рассказывать, деточка?» Дашка отвечала: «Нет, бабуля, мы же с Ним должны побыть немного». В конце плакали обе.

Но, оказывается, в Паутинке жил ещё кое-кто, а Дашка до сих пор об этом не знала. Двоюродная бабушка Маня вчера на посиделках сказала Дашке, что в колодце сидит какой-то Мазега.

— Там сидит Мазега, Даша! Ты в колодец не заглядывай никогда! Вообще, к колодцу лучше не подходи. А то откроешь крышку, посмотришь вниз — тут-то Мазега тебя и схватит, и к себе в колодезное царство уволочёт!

«Застукала меня тетя Маня, когда я вчера в колодец глядела», — поняла Дашка. А вслух пообещала, что не будет ни подходить, ни заглядывать. Она всегда знала, что нужно сказать взрослым, чтобы те успокоились.

В Паутинке царила зима, колодец стоял обле-

денелый — и сруб, и скамеечки для вёдер покрылись толстой коркой наледи. Дашке нравилось, сняв варежку, голой ладонью гладить этот блестящий ледяной панцирь. Она знала сказку про Морозко и трудолюбивую падчерицу, уронившую в воду веретено, но о Мазеге в этой сказке ничего не говорилось.

«Какой же он из себя?» — размышляла Дашка в этот вечер перед сном. Мазега казался ей совсем молодым и красивым, высоким, чернобровым и черноволосым, как её многочисленные родные и двоюродные братья. Они тоже, бывает, летом во время купанья на Дамбе ловили Дашку на берегу и тащили на самую глубину, а там делали вид, что собираются утопить. Никакой глубины Дашка не боялась, убежать от братьев, а потом кататься в воде на их спинах ей очень нравилось. Всегда было очень весело, а братья потом ещё и хвалили, какая она смелая и как хорошо ныряет и плавает — лучше их всех.

Наверное, скучал Мазега там, в колодце, совсем один. Дашка представляла его восседающим на троне посреди пустынного ледяного зала, как во дворце Снежной королевы. Трон, конечно же, был отлит из застывшей воды, и голову Мазеги венчала лучистая корона. Дашка думала, думала о юном князе Колодезного Царства и заснула. В её сне Мазегу вёл по ледяным лабиринтам безжалостный Минотавр. Мазега почему-то шёл за ним покорно, как овца на убой. Пора было его спасать.

Проснувшись поутру, Дашка обнаружила, что дома никого из взрослых нет. Папа и Игнаха ушли на работу. Дашка выглянула в окно и увидела, что мама таскает из сарая сено для коровы Звёздки. А бабушка, наверное, в своей избе заканчивает обряды.

Пока никто не видит, надо сбегать до колодца! Вот только одеваться некогда, а то мама сейчас вернётся — и тогда вся затея бездарно пропала! Опять будут шпионить всей деревней, чтобы Дашка к колодцу не совалась.

Дашка в чём была — во фланелевой пижамке и с босыми ногами — выскочила на улицу. Только захватила деревянный меч, спрятанный под диваном. Она рассудила, что сбегает быстро, объяснит Мазеге, что её могут застукать, скорее познакомится, расскажет про Минотавра, пригласит Мазегу поиграть — и сразу домой!

Замёрзнуть за это время не должна! А если Минотавр, то она его — мечом!

Снег немного обжигал ступни, но это было даже весело, если быстро-быстро переставлять ноги. И следы на тропинке оставались смешные, будто огнем оплавленные. Дашка открыла крышку колодца и позвала:

— Мазега, вылезай! Не бойся меня! Я Дашка. Я тебя не обижу. Днём Минотавра тут нет! А ночью ты его бойся! Не ходи за ним! У меня много братьев. Давай знакомиться!

Мазега почему-то молчал. Наверное, как Хозяин Леса, боялся застудить горло. И тогда Дашка решила спеть ему песенку собственного сочинения. Она запела прямо в колодец, отстукивая ритм деревянным мечом по льду:

— *Выходи, Мазега!*
Вокруг столько снега!
У нас тут зимушка-зима!
Избы все — как терема,
Будем вместе гулять!
Будем весело играть!

Как раз в это самое время дядя Гриша, Дашкин отец, возвращался домой после смены на животноводческой ферме. Сначала он решил, что ему показалось, будто в деревне далеко и звонко по морозному воздуху разносится песенка, спетая детским голосом, подозрительно похожим на Дашкин. Дядя Гриша прислушался, охнул и резво понёсся к своему дому. У колодца он и увидел Дашку, которая придумала для Мазеги уже целую серенаду, но Колодезный Князь то ли был зазнайкой, то ли невероятным боякой — даже носа из воды не казал! Мог бы хоть рукой помахать!

Дядя Гриша на бегу стаскивал с себя фуфайку.

— Даша, отойди от колодца! — ещё издали крикнул он, а подбежав, подхватил дочь на руки, завернул в телогрейку. — Ты что тут делаешь? Без одежды! Ты же простудишься! Мама где? А бабушка?

— Папа, что ты кричишь? Всё испортил, — важно сообщила ему Дашка (она всегда разговаривала с отцом степенно и важно, копируя его собственную манеру). От мороза она уже посинела до того самого оттенка, что и наледь на колодце. — Уж тебя-то Мазега точно испугался. Теперь ни за что ко мне не вылезет.

Её трясло от озноба, но она крепилась, чтобы отец не заметил этой дрожи и не испугался ещё сильнее.

К вечеру вся деревня знала про Дашкины колодезные приключения. По такому случаю все старушки и три дедушки собрались на посиделки в дом к Дашкиным родителям. Рассевшись по скамьям и стульям, бабули занялись рукоделием, а деды у печки закурили. По кухне поплыли клубы дыма. Старушки за пальцами и спицами погрузились в сизое табачное море и оттуда ворчали, что Дашкины мама и папа не следят за ней должным образом, что братья не воспитывают её как надо.

Двоюродная бабушка Маня ругала ещё и саму себя за рассказ о Мазеге: сманила дитя на озорование! Её успокаивала родная бабушка Маня:

— Да полно тебе! Полно! Это же наша Дашка! Ей и не такое в голову взбредёт! Очень уж беготливая.

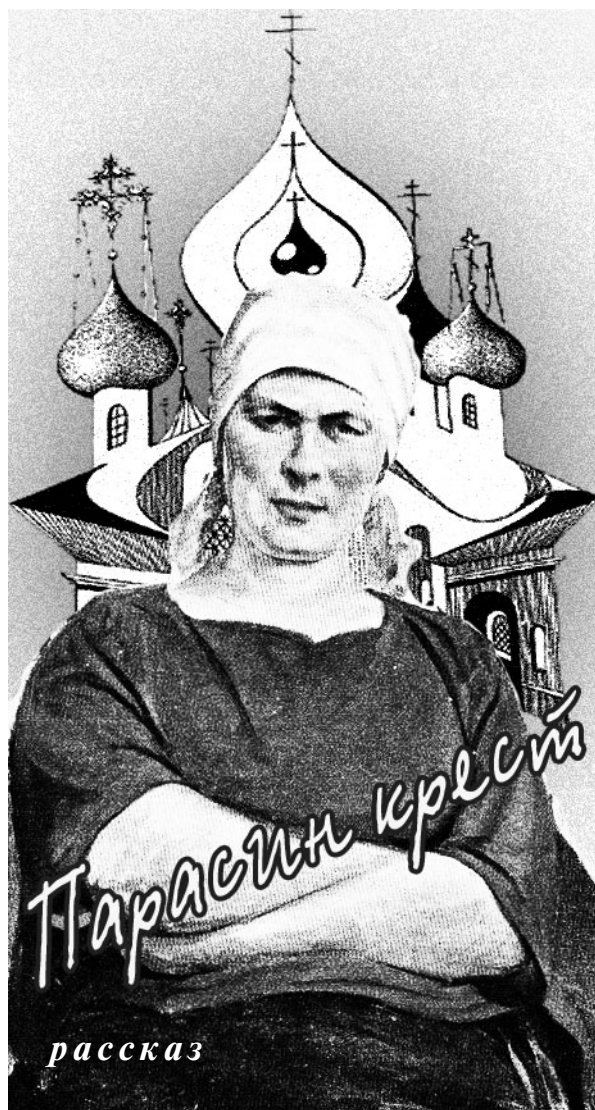
— Растёт одна, без ровесников, не с кем играть, братья всё большие. Вот и озорует, как мальчишка. Что за девка? Хуже парней, — поддержала строгая соседка бабушка Лена.

— Хотя бы детский сад был, — подал от шестка голос дедушка Толя. — А так что ж, конечно... Где уследить... Это ж надо! С мечом к Мазеге! — и сквозь хриплый кашель расхохотался: — Ну, пацанка!

— Ох-ох, была раньше большой деревня, а теперь что? Одни мы, старики, остались. Одни-одинёшеньки посередь лесов, — вертела веретено бабушка Фая.

Дашка, густо намазанная медвежьим жиром для профилактики простуды, лежала на печке. Оттуда она наблюдала за бабушками и дедушками и думала: «Что они такое говорят? Как это мы — одни-одинёшеньки? Вовсе мы не одни! Нас так много в Паутинке живет! Кого у нас тут только нет! Минотавра бы только прогнать... Он у нас тут лишний».

Она задремала, и сквозь клубы табачного дыма в красном углу под иконами подмигивал Дашке огонёк-маячок лампадки, а на полотах перебирал, пересчитывал луковицы старый домовый, подвыпивший бражки. Иногда он сбивался со счёту и тогда хрипло, как дедушка Толя, кашлял и на чём свет ругал и Минотавра, и зазнайку Мазегу за компанию.

На поминках у старой доярки¹ Евпраксии Фёдоровны было шумно и весело.

Сначала-то, конечно, и грустили, и плакали. На сороковины батюшка Димитрий отслужил панихиду в церкви. После службы сельская паства проторила путь на кладбище через высокие февральские сугробы. Будто чёрные овцы на белых пажитях, разбрелись сельчане меж родных могил. Намёрзлись, наплакались, наглогались водки вперемешку с вьюгой, а за поминальным столом оттаяли, раскраснелись, как после хорошей бани, отмылись от скорби морозом и жаром.

Скончалась бабушка Парася в почтенном возрасте, оставив после себя двух дочерей, двух сынов и множество внуков и правнуков. На сороковой день почтить её память собрались не только родные, но и все, кто работал с ней на ферме. Славилась Парася на всю округу своим лёгким и весёлым нравом. И как только односельчане пропустили по чарке-другой за упокой души, как только начали поминать её по обычаю, так уже и не смогли удержаться от улыбок, а то и смеха. Ну не было никакой возможности, поминая Парасю, остаться серьёзными! Или пришлось бы молчать о ней вовсе, что тоже как-то не по-людски. Молодой и от природы смешливый отец Дмитрий хорошо знал покойную и только потому не препятствовал, хоть, рассуждая по-христиански, грешно на поминках улыбаться. Сам он всеми силами пытался остаться сдержанным, оттого из бороды у него иногда доносились странные звуки, напоминавшие перекипевший самовар.

Вспомнили, как после войны десятилетняя Парася доила коров за свою матушку-дойрку, за знаменитую на весь колхоз героиню соцтруда тётку Павлу. Ещё в сорок втором Павла Никаноровна осталась двадцатисемилетней вдовой с пятью детьми и работала круглые сутки на свою ораву.

— Что греха-то таить — при таких-то нагрузках матерям нашим без чекушки-то и не выжить бы было. Простите уж, отец Дмитрий! Пьянка — грех, знаем, — старый пастух и скотник дед Иасим покосился на батюшку и продолжил свой рассказ: — Но без чекушки тогда — как без лекарства. Павла-то Никаноровна притомилась после ночного покоса, днём-то для своего подворья косить не давали. И на утренней дойке уснула она в сене, а Парася за неё доит. А тут возьми да и приедь председатель. Принесла ж его нелёгкая в этакую рань! У Павлы-то Никаноровны чекушка была узупрятана² за кормушками. Идёт председатель, а Парася испугалась, что он винцо-то увидит. И нет чтобы бутылку за кормушкой оставить! Схватила её по ребячьей глупости и в посыпку-то³ и вылила. В бачок прямо. А бутылку в навозный жёлоб сунула. Так сильно забоялась, что матери трудодни спишут. Го-

лодно жили-то, а на трудодни зерна давали. Председатель тогда был Николай Иванович. Подошёл он поглядеть. Видит, девчушка надывается, бачок с посыпкой поднять не может, — и подсобил. Взял эту посыпку с винцом-то — и в кормушку! «Молодец, — говорит, — Парася. Матери помогаешь». И мимо прошёл. А бурёнка посыпку-то всю и съела. Потом лежит, как колода, осоловела. Тогда ведь не щас скотину кормили: на ногах держатся — дак и ладно. Вот чекушки-то и хватило, чтоб её с копыт свалить. Другие доярки шутят: «Что, Парася, корова-то частушки не поёт ещё?» А Парася отвечает: «Молчит рогатая. Боится, что ей трудодни за пьянку спишут».

Вспомнили и как Парася, сама став матерью, старшую дочь Нину таскала с собой в поле, потому что не с кем было ребёнка дома оставить. Детских садов в те времена на селе не водилось, а взрослые — все, кто мог на ногах стоять, — выходили на работу. Пока мать сено в копны складывала, поймала Нинка в поле кузнечика и спрашивает, мол, кто это такой, а Парася отмахнулась от дочки — успеть ей надо было до дождя, тучи надвигались, — и не глядя ответила: «Карл Маркс, не иначе». Дождь хлынул, спрятались все деревенские от ливня в сенном сарае, видят, Нинка что-то в кулачке держит, не выпускает. Спрашивают, что там у тебя? А Нинка — в ответ: «Кырлу-Мырлу поймала!» Мужики хохочут: «Какой он из себя-то?» А Нинка: «Зелёный да шибко прыгает». Мужикам и того смешней: «Да точно зелёный-то? Кырлы-Мырлы все красные. Может, Николай Ивановича словила?» Кличка у председателя тогда была «Зелёный» за то, что курил он много, так что кожа на его руках от табака стала зеленовато-жёлтого неестественного цвета. И хромал он так, что при ходьбе будто подпрыгивал, как кузнечик, потому что на войне под Ленинградом ранение в бедро получил и левая нога с тех пор у него не сгибалась.

На этом рассказе Нина Ивановна, дочь Параси, уже и сама ставшая бабушкой и тоже в прошлом доярка, вдруг перестала промокать глаза чистой тряпочкой и впервые за весь день улыбнулась. «Вот смешно вам! — сказала она собравшимся за столом. — А мать меня

дома-то потом учила нигде боле про этого Кырлу-Мырлу не поминать. Напугалась уж после-то. Да хорошо хоть — все свои были, люди добрые, никто не донёс. Такая уж у нас мама была — острая на язык. Тятя — царство небесное — и то ей говаривал: «Твоим языком, Парася, хоть бройся вместо бритвы». А сам до того молчаливый был, до того неругливый⁴, кроткий! От матери дак нам и того поболее на орехи доставалось!»

— Да, — согласно закивал дед Иасим. — Хорошо, что не тридцатые годы. Да и после-то строго было по партийной линии, — махнул он рукой.

— С этой партийной линией мать всю жизнь два имени носила, — отозвался Панко, младший сын Параси. — Все её тёткой Парасей звали, а в паспорте записана Октябрина. На кресте-то мы, конечно, Евпраксия записали. Да и дата рождения: мать говорила, что в августе родилась, а записано — десятого ноября. А уж в котором году — она и вовсе вспомнить не могла: не то за год до войны, не то за два. У них же у всех, у древних стариков, только две даты: до войны да после.

И тут все стали вспоминать путанные, похожие на легенды и мифы рассказы старших односельчан. Мол, когда стали рушить церкви и арестовывать священников, последний на всю округу батюшка, отец Константин, старенький-престаренький, остался жить в глухой деревушке Чудиново. И туда к нему носили тайком крестить младенцев. Из Чудинова ещё до войны кого раскулачили, а кого просто выселили в большие деревни. Политически вредного старика бросили доживать одного, думали, и сам с голоду помрёт на безлюдье. Однако народ батюшку всё равно навещал и кормил как мог, даже в самые голодные годы. Друг от друга таились, а к отцу Константину всё хаживали.

На этом месте воспоминаний вдруг по-савомарному вздохнул отец Дмитрий: «Как в последние времена. Греха люди не стеснялись, а добра — стыдились».

Отец Константин, видимо, не был уверен, что времена последние, и нарочно имена детям выбирал по святцам самые заковыристые. Так что сразу было понятно, кто у него кре-

щён, а кто — нет. Он так и пояснял стыдящейся пастве, наказывал запомнить: «Когда снова церкви возрождать начнут, так чтобы будущий батюшка знал, кого из вас я крестил уже». Под старость отец Константин ослеп и не мог оставить записок преемнику, но что преемник у него появится, нисколько не сомневался.

Как выдавалась свободная пора от полевых работ, родители приходили записывать ребятишек и в сельсовет тоже. Называли имена, данные батюшкой, но председатель сельсовета только ругался и крестильными именами не записывал, а давал свои — социалистические. Вот так и Евпраксия стала Октябриной.

— У Евпраксии именины есть в августе, наверное, отец Константин в августе и крестил. Ну а в ноябре, должно быть, регистрировали, вот и дали имя — Октябрина, — предположил батюшка Дмитрий.

Сбылись надежды отца Константина — преемник у него появился. В большом селе Пожарища уцелел храм. В советские времена там работал маслозавод, и поэтому церковь Покрова Богородицы дожидая и до наших дней. Три года назад всем миром её восстановили, освятили. К удивлению отца Дмитрия, старые прихожане в округе почти все оказались крещёнными, но почему-то носили очень уж редкие имена.

На поминках у бабушки Параси долго перечисляли: тётку Маневу записали Ангельсиной, а тётку Виринею — Гертрудой, деда Авдия — Владленом, деда Гервасия — Эрленом, деда Иасима — Силеном... Впрочем, идейно правильные имена среди сельчан так и не прижились, оставшись только на бумаге. «Наши имена из Чудинова — вот и чудные», — шутили местные жители, когда приезжие удивлялись здешней ономастике.

— А из правления-то колхоза кто был на похоронах у Параси? — спросила престарелая Евлафия Сергеевна, почти ровесница покойной. На похороны к подруге она не попала, так как в то время лечилась в глазной больнице.

— Нет, тётка Евлафья, никого не было, венки лишь прислали от профсоюза, — поджав губы, пояснила Нина Ивановна, дочь Параси.

— Вот так вот всю жизнь отработаешь, как

бабуля, а на похороны пришлют три пластмассовых цветка, — хмыкнула молодая доярка Наталия, внучка Параси.

— Так нонешнему руководству тока бы деньги, — «утетила» Евлафья Сергеевна. — В наше время не за деньги работали.

— Да и где оно, наше руководство? В Москве сидит, наверное, и коров-то ни разу в жизни не видало, — поддержал тему Иван, внук Параси, известный на весь район искусный тракторист и большой любитель потолковать о политике. — Как тогда — так и сейчас: всё за нас решают в Белокаменной. И какие имена носить, и скока денег нам платить... Ничего не меняется. Продали нас Москве, а Москва — Америке продалась.

— А председатель нашей Парасе и в ножки кланялся, — ни с того ни с сего вставил свои пять копеек дед Иасим.

— Как это? — удивилась Наталия.

— Шутишь, дед, — махнул рукой на него Панко.

— Ничего не шучу. Всё всерьёз.

— Разве что Зелёный, Николай Иванович, лишку выпил да в ноги матери с перепою бухнулся, — не поверил упрямый Панко.

— Да сиди! — отмахнулся дед Иасим, как от назойливой мухи. — Какой тебе Николай Иванович! В девяностые это было, старый-то председатель к тому времени уж помер давно... В ножки кланялся Поливект Ильич, который нас москвичам продал.

— Кланялся, кланялся — сама видала, глаза у меня тогда зоркие ишшо были, — закивала головой Евлафья Сергеевна.

— Вырубили у нас свет в колхозе за долги. А нонешние доярки чай не мы! Нет у них привычки руками доить, — продолжил рассказ дед Иасим, будто его и не перебивали.

— Да что ты, бабушка! У нас вон на «шестисотнике»⁵ — шестьсот голов стоит, куда там руками! — хмыкнула Наталия, немного обидевшись за молодое поколение.

— Цыть! — пригрозил дочери пальцем Панко, уже изрядно принявший на грудь. — Вперёд деда не лезь — пусть расскажет, как бабке твоей председатель кланялся!

— Так вот свет, говорю, вырубили, дойку-то электрическую не включить, — вновь загово-

рил дед Иасим. — А ведь и верно — шестьсот голов! Шутка ли! Бабы с ног валились, но доить не успевали. Коровы орут на всю деревню, молоко вымя подпирает. Ну чисто светопреставление! Бригадирша Олёна и побежала по домам нас, старую гвардию, созывать. Все мы и вышли на большие помочи⁶ — коров доить: Парася, Евлафия, Тонька — все пенсионеры... Даже и я коров за титьки подёргал, — дед Иасим явно хотел отпустить солёную парнечью⁷ шуточку, но, оглянувшись на молодого батюшку, застыдился. — Долго доили-то. Сильно руки потом болели. Ну и Олёна в благодарность налила нам всем молока. Мы-то под молоко принесли бутылки пластмассовые с-под лимонада, а Парася — бидончик. Зимой дело было. Тихая такая ночь, светлая. И без электричества светло, как днём, в деревне. Идём домой по дороге. Глядь! «Нива» председательская! А мы — с молоком! Накажут за воровство и нас, и Олёне попадёт. Тогда ведь даже охрану на ферму нанимали, чтобы посылку да молоко не тырили. Все ведь после дойки таскали тайком при советской власти, это при демократах в родном колхозе и молока не возьми!

Ну мы-то, кто с бутылками был, в кювет, в сугроб и сиганули. Да смешно-то нам эдак сделалось — ни дать ни взять, как ребятишкам. Что стар, что мал — всё без ума! Ну а Парасе куда с бидоном? Разольёт молоко. Да и ноги у неё уж до того больные были, как у всех баб-доярок, до того опухлые, что те брёвна! Не успела она спрятаться.

Мы сидим в сугробе, снегом давимся, чтоб не хохотать, а Парася посреди дороги застыла как вкопанная, даже на обочину не отвернула со страху-то. «Нива» останавливается, председатель выходит, спрашивает:

«Ты что это, тётка Парася, дорогу не уступаешь? Откуда ты идёшь, такая заполошная?» А она: «Так с фермы, Поливект Ильич, коров вот доили, света нет, так на помочи вышли. «А был с тобой кто?» — председатель допрашивает. Парася — что те партизанка! С такой бабой хоть в разведку ходить. «Нет, — говорит, — Поливект Ильич, никого со мной не было». И твёрдо так стоит посреди дороги на «брёвнах» своих, а у самой бидон в руках так дро-

жит, что аж крышка брякала. Ну а мы не знаем, как и не хихикнуть-то в своем сугробе. Помолчал Полиевкт Ильич сколько-то да в ноги ей и поклонился. Говорит: «Передай мой поклон тем, кого с тобой не было. В «Ниву» забирайся — домой отвезу. Да не дрожи так! Молоко-то прольёшь!»

Стала она в «Ниву» садиться — и вот ведь наша Парася! На прощанье гордо так рукой нам помахала! Будто президент на параде! Тут уж вылезли мы из кювета, давай от снега отряхиваться, да до того хохотали!

Закончил свой рассказ дед Иасим. Подивились все небывалому случаю, выпили за помин души, закусили — потекли поминки своим чередом. Завершилось застолье затемно. Гости расходились поодиночке и семьями. Отец Дмитрий заспешил домой: сегодня они с матушкой решили на ночь искупать сына-первенца у устья русской печи, чтоб здоровым рос и крепко спал по ночам.

Дом деревенского священника по традиции находился рядом с храмом. Отец Дмитрий перестал загребать валенками снег, остановился на пригорке, оглянулся назад, на деревню, оставшуюся за спиной, и тут вспомнилось ему, как однажды летом на этом самом месте он повстречался с бабкой Парасей.

В храме тогда уже велись службы, но реставрация пока еще не завершилась полностью, и местные жители кто чем мог помогали в работах. Кроме того, оказалось, что ещё в советские годы при ликвидации церкви многие семьи разобрали по домам и утаили от властей церковную утварь и иконы. И крестьяне потихоньку всё, что смогли сохранить, возвращали в храм. Подношение Евпраксии трудно было забыть.

В тот летний день отец Дмитрий вот так же стоял на пригорке и вдруг увидел бабку Парасю. Согнувшись в три погибели и отчаянно пыхтя, она тащила на своей спине большой храмовый крест из внутреннего убранства — тот, перед которым ставят канонный стол.

— Да неужто и крест сохранили?! — ахнул тогда отец Дмитрий, от неожиданности даже забыв поздороваться с постоянной прихожанкой. Он поспешил навстречу Парасе, чтобы помочь пожилой женщине с её ношей.

— Денёчек добрый, батюшка! Сохранили, — ответила бабка... — Как не сохранить! Ещё отец матери моей велел спрятать. Батюшка, да ты не помогай, то исть ты не мешай мне, не мешай! Я уж сама донесу! Я ить двужильная! Дай Богу послужить!

— Во славу Божью! — отпрянул молодой священник, понимая важность момента.

И так она и тащила крест до самой церкви, пыхтя и отдуваясь, как маленький толстоногий буксир, а отец Дмитрий послушной овечкой плёлся за бабулей следом...

Вот у этого самого креста и ставили сегодня свечи за покойную рабу Божью Евпраксию.

Отец Дмитрий шумно вздохнул полной грудью и перекрестился на заснеженный храм. Он множество раз за день проходил мимо вверенной ему церкви, но так и не смог привыкнуть к её величию. Вот и сейчас батюшка застыл как заледенелый, обыденно, по привычке залюбовался.

Когда-то давным-давно вся деревенская община, в которой насчитывалась без малого тысяча жителей, собирала деньги на строительство храма. Но не в деньгах дело! Всякий крестьянин ещё и почитал за великую честь босыми ногами месить глину для раствора, подавать кирпичи, корить бревна, да хоть бы просто убирать мусор за строителями. И спустя века казалось, будто церковь вся-вся — от фундамента до верха креста над главным куполом — была отлита из единого целикового замеса любви и веры.

Теперь в громадине храма, рассчитанного на тысячу прихожан, собиралось лишь несколько десятков последних христиан. И гулко звучал голос отца Дмитрия под высоченными сводами, и отзывалось многоголосьем эхо так, что казалось, будто те, кто эту церковь строил, подпевают на литургиях своим потомкам.

За прошедший вьюжный день метель так много нанесла снега под самые стены, что волны сугробов со всех сторон омывали прочную кирпичную кладку и разбивались о неё, подобно водам потопа. Храм вырастал из снежных заносов, возвышался каменной тушей над маленькой фигуркой отца Дмитрия, и как-то разом канули в прошлое голоса гостей на поминках, будто захлебнулись в

снегу, и стёрлись все имена под белым покровом. Неизвестные деревенские архитекторы так задумали пропорции храма, что, несмотря на весь его огромный вес, казалось, будто не касался он земли. Крестами, как мачтами, храм протыкал облака и плыл, плыл через время и пространство, правил путь на незримые для людей маяки и тянул за собой вверх, к небу, вереницу огоньков из окон заснеженных изб.

Примечание

¹ «На поминках у старой доярки» (для сравнения литературная норма — «на поминках старой доярки»). Особенность вологодского говора. Предлог «у» в народной речи подчёркивает, что односельчане приходят как бы к самому покойному, а не просто к его семье.

² Узупрятана (*диалектн.*) — спрятана.

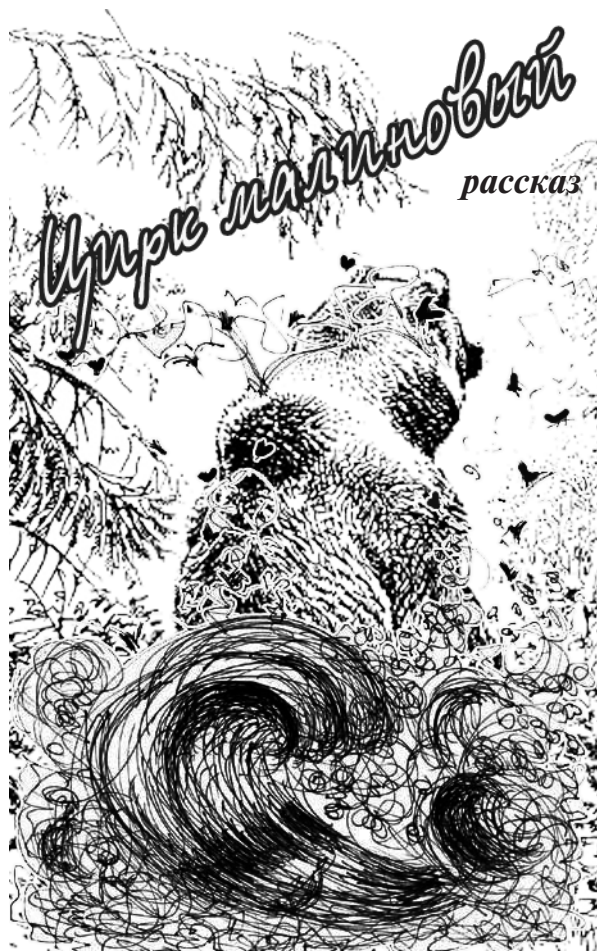
³ Посыпка — так вологодские колхозники называют зерновой комбикорм.

⁴ Не ругливый (*диалектн.*) — миролюбивый.

⁵ «Шестисотник» — ферма, рассчитанная на шестьсот голов крупного рогатого скота.

⁶ Большие помочи (*диалектн.*) — деревенский обычай, согласно которому на помощь односельчанам выходит и стар и млад.

⁷ Парнечья (*диалектн.*) — мужская.

Гриша приехал к малиннику на мопеде. Это неожиданное средство передвижения по лесной просеке он выбрал из-за младшего сынишки.

Шестилетний Игнатка не отпускал отца ни на шаг. Между ним и главой семейства существовала вечная игра в «прятки-догоняшки»: Игнатка тщательно следил, чтобы отец не ушел без него в лес, отец столь же тщательно скрывал от малыша свои планы.

Мальчишку совершенно не волновало, что поход походу рознь. На лёгкие лесные прогулки Гриша и сам с удовольствием водил не только троих сыновей, но и многочисленных племянников. И грибы с детворой собирал, и на тяге вальдшнепов выслушивал, и пескарей ловил. Но, в отличие от других деревенских ребят, Игнатке этого было мало. Худышке-пацанёнку хо-

телось и кабанов гонять, и на лабазах медведя поджидать, и за пятьдесят километров шлёпать по болоту за клюквой. Отцовские объяснения, что мал ещё и трудно будет, Игнатка пропускал мимо ушей. Не помогали и обещания, что в следующий раз они обязательно отправятся в лес вместе. Если Гриша не брал Игнатку с собой, малец устраивал жуткие истерики и с рёвом бежал за отцом по пятам до тех пор, пока не поймут мать, бабка или старшие братья.

Чтобы уберечь мальчонку от лишних расстройств, Гриша стремился уйти из дома так рано и тихо, чтобы младший сын не проснулся. Сообщая жене, что пойдёт на охоту, по грибы-ягоды или на рыбалку, Гриша тщательно осматривался — не услышал ли сын. Сборы превращались в секретную операцию. В обстановке строжайшей тайны жена и тёща готовили для Гриши бутерброды и наливали в термос чаю — только бы младший не уследил! Глава семейства собирал рюкзак и готовил оружие или удочки столь же осмотрительно, стараясь не привлечь внимание. Но часто в самый последний момент, когда Гриша уже стоял в дверях с рюкзаком за плечами, раздавался топот маленьких ножек и крик:

— Папа, папа, ты куда? Возьми меня с собой!

Гриша уважал в Игнатке эту беззаветную и страстную преданность лесу. Отец понимал, что сам же и передал сыну эту любовь вместе с генами нескольких поколений крестьянского рода: Гришин отец Александр был знатным охотником, и дед Яков тоже, и так до седьмого колена, до пращура Ильи. Уже сейчас Игнатка настолько походил в повадках и привычках на родимого батюшку, что у Гриши по-отцовски сладко ёкало сердце. Лес был для Игнатки любимой школой, а отец — преподавателем лесной науки. Причем сынишка оказался не просто талантливым учеником, у Игнатки был дар от Бога понимать и чувствовать каждую травинку и зверушку, дерево и птицу. Вместе с отцом они удили окуней и уклейку, учились вытаскивать налимов из-под камней и находить в иле вьюнков, сидели в засидке на уток, собирали для матери огромные букеты из васильков и ромашек. Пили воду из хрустальных лесных луж через пористые стебли гигля, как через коктейльную трубочку. Мастерили шалаши для ночёвки, а сколько перевидали зверей

и птиц! Наблюдали, как ондатра мастерит столик из осоки, как выдра рыбачит, как белка лущит еловую шишку... Ну и как Игнатке после всех этих чудес остаться дома с мамкой да бабкой, когда отец в одиночку — без него! — отправлялся навстречу новым приключениям? Конечно, юный следопыт вёл за батей непрекращающуюся слежку.

Вот и вчера о походе на дальний малинник Гриша сообщил жене Таньке шёпотом, предварительно убедившись, что Игнатки нет рядом. Добираться до малинника предстояло по просеке. Три года назад мимо деревни проложили стратегически важную линию высоковольтных передач. Просеку сделали очень широкой, и до сих пор вдоль высоченных бетонных столбов сохранилась хорошо утрамбованная тракторная дорога. Путь был не сложным, но долгим — около пятнадцати километров. На дальнем малиннике росла любимая Танькина ягода — белая малина. За ней-то и собрался Гриша.

Он встал рано утром, но жара уже сейчас чувствовалась в избе. К полудню день обещал превратиться в настоящее пекло. Гриша наскоро выпил с Танькой чаю, поддел на плечо котомку с водой да хлебом, взял в руки ведро для ягод — и тут из комнаты выбежал Игнатка, полностью одетый и с пол-литровой банкой в руке.

— Папа, я с тобой за малиной! — решительно заявил он.

Танька охнула, всплеснув руками:

— Матерь Божья! Да как ты узнал-то, чадо? Уж мы так сторожились!

— А я видал, как бабушка с вечера ведро для папы мыла! Значит, с утра он с этим ведром за малиной пойдёт! — важно сообщил Игнатка и продемонстрировал банку. — А я банку ещё вчера помыл. В неё буду малину собирать и в ведро ссыпать.

— Шерлок Холмс, — хмыкнул отец и присел перед сыном на корточки, чтобы сравняться с ним в росте и говорить как мужчина с мужчиной. — Игнат, пятнадцать километров пешком. Как пойдёшь? Ноги у тебя не доросли до таких дорог.

— А ты, папа, меня на шее вези, — не сдавался мальчишка, и голубые пуговицы-глазёнки блестели отвагой. — Сначала я сам пойду, а если ножки заболят, на тебе поеду.

— Ну, хорошо, туда на мне доедешь. А обратно?

Устанешь ведь ещё сильней, а я тебя всю дорогу нести не смогу. У меня ведь ещё и малина будет.

— Я потихоньку. Пошагаю, пошагаю и дойду, — пообещал Игнатка.

Понял Гриша, что от попутчика ему не отвяжется, и задумался. По невыносимой жаре тащить с собой ребёнка так далеко было опасно.

— Вот что, Танюш, придётся, видно, мне пострелёнка с собой взять. Поеду-ка я до малинника на мопеде. Дорога ведь там до сих пор ровная, авось нигде не застрянем.

— Гриша, да как же на мопеде-то по лесу?! — подивилась Танька.

— Да проедем как-нибудь. Если что и завал где встретим, мопед оставим, а на обратном пути заберём, — успокоил Гриша и велел Игнатке: — Давай, ягодник, пей чай, а я пока мопед заправлю. Банку свою давай, сейчас мы на неё ручку из проволоки приладим, будет как ведёрко у тебя, а то без ручки худо посудину с собой на малинник брать. Ягоды можно просыпать. И не ныть! А то сразу домой одного пешком отправлю.

Мальчик согласно кивнул, беспокоясь, как бы отец не передумал.

— Ох, ну и репей ты, Игнатка, — вздохнула Татьяна и повела сына завтракать.

Прогулка на мопеде оказалась лёгкой и приятной. Дорога была хоть и лесной, но очень уж широкой, поэтому даже за три года не осилил её вездесущий ивняк, не размыли дожди и сильные ветра не смогли завалить сучьями и ветхими деревьями. Местами, где работала тяжёлая техника, даже встречались участки, слегка подсыпанные песком вперемешку с гравием. На малинник отец и сын успели приехать до большой жары, причём прокатились с прохладным ветерком, к большому удовольствию Игнатки.

Кусты с ягодами располагались в некотором отдалении от дорожной ленты, на небольшой поляне, куда во время строительства высоковольтной линии бульдозерами сгребали вырубленные деревья, кусты и сучья. На этих завалах вперемешку с княжицей и черёмухой росла малина трёх сортов: мелкая и сладкая до приторности, крупная и влажная с соком, похожим на малиновую воду, и, наконец, самая драгоценная — белая, нежная и душистая, как мёд.

На одном из завалов высотой чуть ниже роста взрослого мужчины Гриша нашёл целое «месторождение» белой малины: два толстых еловых ствола лежали крест-накрест друг на друге, а вокруг клонились к коричневым сухим ветвям изумрудные плети живого ягодника. Кусты вырастали из больших куч прелой хвои и перегнивающей древесины. Малина, белая, крупная, матово блестящая, будто каждая ягодка светила сама по себе, изнутри, а снаружи мелкие росинки, ещё не успевшие высохнуть, янтарными искрами вспыхивали на солнце.

— Ну, вот тебе, Игнатка, и фронт работ, — рассмеялся Гриша. Подхватил сына на руки и посадил на перекрестье еловых стволов. Мальчишка тут же устроился поудобнее, как птенец в гнезде.

— Я капитан на корабле! — обрадовался Игнатка и приложил ко лбу ладонь козырьком, высматривая воображаемые необитаемые острова.

— Ты малину собирай, капитан, — напутствовал отец. — Да смотри: пять горстей — в банку, две ягоды — в рот. Не объешься, как в прошлом году, а то, помнишь, как голова у тебя болела? Тут тебе, Игнатка, малины не на одну банку хватит. И крапивы нет. Не обожжёшься. А как насобираешь — зови, приду, чтоб в ведро высыпать.

Гриша отошёл от сына чуть подальше и принялся собирать лесной урожай. В такие моменты он погружался в некое подобие медитации. Только руки работают, мысли в голове сначала ещё шевелятся лениво — надо бы и сенокос завершать, и в отпуск в колхозе попроситься, и Игнатка в этом году в первый класс пойдёт... Но потом куда-то все раздумья улетают, и нет уже их, и остается только пряный ягодный дух да шум листвы, да Игнатка бормочет: «Один, два, три...» Мальчик тренировался в арифметике: как отец велел, отсчитывал пять горстей в банку, две ягоды — в рот. Он и правда сильно объелся малиной прошлым летом и не хотел повторения печального опыта в этом году.

Гриша работал споро, сынишка от отца не отставал, и вскоре они уже насобирали половину семилитрового ведра. Рвали только белую ягоду, для красной у них была запасена трехлитровая тарка, но это только на тот случай, если время и желание останется, главное

— принести Татьяне редкой и драгоценной белой малины.

Вдруг Гриша услышал шум со стороны дороги: будто бы кто-то скрёб железными спицами по металлу. «Неужели кто-то пришёл на малинник да мопед решил угнать?! Как с мальчишкой домой пойду?» — подумалось Грише. Он велел Игнатке оставаться на месте и, оставив у елового завала ведро, запинаясь в переплетении малиновых ветвей, поспешил на просеку. А когда, наконец, выбежал на дорогу, то окаменел от изумления: у мопеда возился некрупный, молодой ещё совсем медведь. Зверь уронил неведомую «железяку» на землю и проверял её на прочность. Игривый мишук ещё совсем недавно был медвежонком и не утратил детского любопытства, он хотел разобраться с незнакомым предметом и понять его предназначение. Когтистой лапой, отдалённо похожей на ладонь человека, он даже неловко крутанул ручку газа, и надо же так совпасть, что в это же время задняя лапа со всего медвежьего маха съездила по стартеру! Мопед с хорошо отрегулированным зажиганием коротко взревел, и в тон ему по-детски обиженно заревел испуганный косолапый. Он прыснул в сторону малинника с проворностью, приличествующей скорее зайцу, чем хозяину леса. Мопед заглох. Гриша едва успел прийти в себя от изумления, как в лесу раздался истошный Игнаткин крик.

«Господи, спаси! У меня же там Игнатка! Медведь на сына напал!» — Гриша бросился напролом, не чуя под собой ног, к еловому завалу. Ему навстречу выскочил плачущий сынишка, ткнулся в отцовские колени.

— Игнатка, медведь?! — Гриша подхватил малыша на руки.

— Папа, осы! — захлёбываясь в рыданиях, объяснил мальчишка. Под глазом у него набухла опухоль от укуса. — Ты ушёл, я с елок спрыгнул. Смотрю: за тополем — пень, длинный такой, а на нём гнёздышко... Я думал, птенчиков посмотреть... А там — осы! И в спину укусили — прямо через рубашку! И летели за мной!

— Игнатка, так ведь птичье-то гнездо на осиное совсем не похоже! Ты что же это перепутал, ты ж у меня лесной житель! — Гриша так обрадовался, что виной Игнаткиных слёз стал

вовсе не медведь, а всего лишь осиные укусы, что начал радостно целовать сына и тискать его, как щеночка.

— Папа, ты что? Ты же меня задавишь! — отбрыкивался Игнатка, от удивления он даже перестал плакать.

— Главное, не медведь, а укусы заживут. Это даже полезно, — успокоил Гриша. — Бог с ней, с малиной, сколько насобирали — столько и ладно. Давай-ка, сынок, домой поедем.

Он отвёл сынишку к мопеду, осмотрел укусы, достал из мешка бутылку с водой, умыл Игнатку и дал ему напиться. Оставив ребенка на дороге, Гриша вернулся за ведром с малиной. Он знал, что напуганный медведь к ревущему «чуду-юду» уже не вернётся, а вот брать мальчишку с собой на малинник больше не хотелось. Всё равно косолапый топтался где-то рядом, и кто знает, что на уме у зверя... Вокруг елового завала рассерженно вились потревоженные Игнаткой осы, одна из них спикировала на Гришину щеку и пребольно тяпнула. «Досталось отцу на орехи за проказы сына!» — Гриша был счастлив, что медведь не выскочил к Игнатке, и от укуса ему вдруг стало ещё веселей: схватил ведро и ринулся бегом из осиного царства!

С неполным ведром белой малины, да ещё и покусанные, отец с сыном вернулись домой. Гриша рассказал домашним и про медведя, и про ос, и про ягодное богатство. Танька и тёща испуганно охали и крестились, старшие сыновья жалели, что не пошли с отцом, а Игнатка, как узнал, кто мопед на просеке заводил, чуть не заплакал: «Папа, что же это ты мне медведя не показал! Ведь он на мопеде, как в цирке, катался! Поехали завтра обратно — может, мишук опять за малиной придёт!» Захохотала вся семья, а Гриша, когда насмеялся до колик, только и смог сказать:

— Ну, Игнатка, я-то думал, ты со мной в лес больше и не сунешься, а тебе ещё и медведя на мопеде поймай! Цирк с тобой малиновый!

Мои племянники Кирилл и Егор никогда в жизни не были на концерте живой музыки. Егор уже учится в школе, а Кирюха только готовится пойти в первый класс. Они растут в небольшом посёлке Палкино. Разумеется, в этом посёлке нет ни филармонии, ни театра, только сельский клуб, где дискотеки и прочие мероприятия типа Дня деревни проходят под музыку из магнитофона.

Мои мальчишки так и думали: музыка извлекается из магнитофона, компьютера или телевизора. Они не знали, что на самом деле во всех этих сложных железяках хранится не сама музыка, а музыкальные консервы. Самая задушевная песня в записи теряет алхимический пятый элемент, нечто такое важное, что можно услышать лишь в живом исполнении. Это всё равно что сорвать яблоки, созревшие в саду отчего дома, на деревьях, посаженных

ещё родителями твоих родителей, снять плоды с веток на закате жаркого дня, когда горячий яблочный дух обжигает лёгкие, поддерживать в руках весёлые ярко-красные колобки, у которых под кожицей струится яблочная кровь. А потом почистить с них кожуру, растереть в пюре, прокипятить, провести стерилизацию и пастеризацию, добавить стабилизатор «Е» с внушительным порядковым номером, усилитель и улучшитель вкуса, консервант, какой-нибудь бензоат натрия, краситель и ароматизатор под названием «Яблочный дух» и назвать получившееся химическое соединение «Повидло».

Лишь один человек в окружении Егора и Кирилла знал, откуда берётся живая музыка. Это мой друг Артём. Мы вместе играем в рок-группе, но обязанности у нас разные: я пишу тексты для песен, Артём — музыку. Он живёт в том же самом посёлке Палкино, что и мои мальчишки, а я приезжаю в соседнюю деревню Паутинку в гости к моим родителям.

Надо сказать, что мои племянники всегда относились к Артёму с большим подозрением. Он не вписывался в круг их повседневных понятий и привычных явлений. Вот, скажем, если Егору и Кирюшке являлся поздним вечером на глухой дороге бородатый пьяный мужик с большим топором, то тут — понятное дело! — бояться нечего. Это сосед дядя Коля идет дрова колоть, чтобы баню топить. Если уса́тый угрюмый старик несёт за плечами ружьё — тоже ничего страшного. Это дедушка Ваня в лес пошёл на охоту. А что носит Артём в своём чёрном матерчатом чехле? Что там у него лежит? Непонятно. Подозрительно. А значит, непросительно. И, встречая Артёма, мальчишки начинали его обзывать. Они сами мне в этом и признались:

- Не дружи с ним! Мы Артёма всегда ругаем.
- А за что? — интересуюсь я.
- Он плохой, — уверенно отвечают племянники.
- Почему?
- Так мы же его ругаем! Значит, плохой! Так надо! — и Егор с Кирюшкой посмотрели на меня так, будто объясняли очевидные вещи маленькому ребёнку.

Тут я не могу не признать, что логика в их

рассуждениях, несомненно, присутствует. В их возрасте слово имеет такую же силу, что и дело. Если сказать про кого-то, что он плохой, то этот кто-то обязательно превратится в плохого. Злой волшебник произносит заклинание: «Абра-кадабра! Куфыры-чуфыры! Будешь жабой». И добрый молодец тотчас послушно отращивает перепончатые лапы и пищит возмущённо: «Ква-кватит! Верни всё обратно, старый пенёк!» Слово опять равняется делу: злой волшебник после этих слов, конечно, тут же превращается в ветхую корягу — и всё! Круг замкнулся! Придётся жабьему молодцу всю жизнь сидеть у замшелого пенёка и комаров ловить своим не в меру длинным языком. Вот именно поэтому детей нельзя называть плохими словами. Скажешь про Ванечку «лентяй», он на всю жизнь так и останется лентяем: и в четыре года им будет, и в сорок четыре.

И всё-таки однажды мои племянники помирились с Артёмом.

Стояла ранняя осень — рыжая, солнечная, нежная, как котёнок. Моя мама потребовала внуков Егора и Кирилла в гости на выходные, и я отправилась за ними из Паутинки в Палкино. С Артёмом мы договорились, что в посёлке встретимся, он поможет мне доставить Егора и Кирюшку к месту назначения, а заодно прихватит с собой гитару, и мы вдвоём поработаем над нашей новой песней.

Племянникам предстояло непростое путешествие, поэтому на протяжении всего маршрута из Палкина в Паутинку они запланировали несколько привалов: в магазине — купить соку и «сникерсов», у животноводческой фермы — посмотреть на гуляющих в загоне коров, в лесу — пособирать листья, в поле — поиграть в «догоняшки». Присутствие Артёма добавляло прогулке пикантности. Мальчишки косились на него, и на их круглых румяных лицах, в их глазах, по-братски одинаково голубых, отражалась сложная внутренняя борьба. С одной стороны, «плохого» привычно хотелось поругать, с другой — нельзя же обзывать человека, который тащит сумку с твоими игрушками, а также с твоим соком, печеньем и рулетом. Егор и Кирюшка подчёркнуто разговаривали только со мной, но зато очень интенсивно, так что к тому моменту, когда мы добра-

лись до леса, я чувствовала себя энциклопедией «Почемучка».

В лесу мне стал понятен смысл выражения «ветер поёт». Он действительно пел. Легко и ласково касался шуршащих осиновых листьев, пианиссимо¹ скатывался по шершавым стволам тополей и затихал на подстилке из мха. И солнце устроило лазурную купель между серых, уже готовящихся к дождям облаков, окунало в неё верхушки деревьев, покрывая их золотом и светом. И листва отзывалась ветру шорохом — каждый листочек на свой манер пел одну и ту же осеннюю песенку, голоса их сливались в единый хор, вот только музыки — музыки им не хватало. Дети начали бегать по тропке, собирать листья и кидать ими друг в друга. Артём остановился, опустил на землю сумку с игрушками и продуктами, снял из-за спины чехол, достал гитару, быстро настроил и заиграл только что появившуюся на свет импровизацию...

Он стал похож на лесного эльфа, понимающего язык деревьев и трав. Он будто разговаривал с ними о том, что скоро холодные ливни обрушатся на рощи и чащи, обнажатся древесные чертоги, застынет в стволах и ветвях бесцветная кровь, а потом выпадет снег и ударят морозы, и ледяным, сияющим, болезненно-белым станет весь мир. Но пока светило и грело последнее в этом году тёплое солнце, листья спешили станцевать, падая с ветвей, торопились спеть, пока Артём играл для них осеннюю пьесу.

Егор и Кирюшка, услышав музыку, сначала даже не поверили, что она по-настоящему вдруг зазвучала откуда-то посреди леса, в котором явно нет ни компьютера, ни магнитофона, ни телевизора.

— Что это?! Что это?! — подбежали они ко мне и выглядели напуганными.

— Это Артём играет для листиков, — объяснила я. — Слышите, как листики шуршат? Это они поют. Видите, как листики падают? Это они танцуют.

Егор и Кирюшка замерли, будто зачарованные, прижались ко мне и всё смотрели, как паль-

¹ Пианиссимо — очень тихо.

цы Артёма бегают по грифу и из гитары чудесным образом рождается на свет, летит к солнцу живая музыка. Терпения мальчишкам, разумеется, хватило ненадолго: потом они и сами начали кружиться на тропке, подражая парящим на ветру листьям.

— Пусть играет! Играй ещё! — велели они Артёму, и Артём играл до тех пор, пока пальцы у него не замёрзли и не устали. Только тогда мы отправились домой и пришли к бабушке и дедушке, совсем как в школьных упражнениях по русскому языку, «усталые, но довольные».

С тех пор Егор и Кирюшка при встрече уважительно протягивают Артёму свои широко раскрытые мягкие ладошки. Они ещё не знают, что когда-то в языке воинских жестов это значило: «У меня нет оружия. Я пришел с миром». Но они генетически, как и положено маленьким мужчинам, чувствуют силу этого знака. Егор и Кирюшка лелеют мечту научиться играть на гитаре. Пальчики у них ещё маленькие, поэтому пока они приноровились играть в четыре руки: Артём ставит на грифе аккорды, а мальчишки по очереди отбивают ритм по струнам. В репертуар этого трио включена композиция группы «Кино» «Пачка сигарет»,

а также «Границы ключ» «Гражданской обороны» и ещё несколько важных и нужных каждому пацану песен.

Недавно мама Кирюшки и Егора (её зовут Маша) удивлённо рассказала мне:

— Раньше ругали Артёма, теперь дружат с ним! Каждый раз, как идём в Паутинку через лес, рассказывают мне, что Артём тут в лесу играл на гитаре и листочки для него танцевали. Вот сочинители!

— Не сочинители — чистая правда! — и я поведала Маше историю великого осеннего примирения.

Сдается мне, что Егор и Кирюшка не только маме, но и своим детям будут рассказывать, как в золотом лесу Артём играл для них на гитаре, как они танцевали и летели, и парили, и кружили, и пели, и падали, падали листья...

Наталья Михайловна МЕЛЕХИНА.

Журналист, прозаик, критик.

Родилась в дер. Полтинино (Вологодская обл.).

*Окончила факультет филологии, теории и истории
изобразительного искусства Вологодского педуниверситета.*

Автор нескольких книг прозы.

Публиковалась в журналах «Знамя», «Соль», «Север».

Участник фестиваля «Плюсовая поэзия» (2011).

Финалист конкурса короткого рассказа

«Сестра таланта» (Петрозаводск).

Лауреат конкурса «Северная звезда-2012» в номинации «Проза».

Живёт в Вологде.

